

В ДРЕВНЕЙ восточной легенде рассказывается о таинственной способности правителя быть одновременно добрым и жестоким. В одно и то же мгновение правая часть его лица ласково улыбалась, а левая судорожно перекашивалась от гнева и алчности. Правой рукой могущественный властитель щедро одаривал подданных, а левой нещадно сек их тяжелой плетью. Неземной казалась людям власть двуликого чудовища, наводившего одним своим видом панический ужас на всю округу.

Этот незамысловатый фрагмент народного фольклора, полный глубокого социального смысла, не случайно дошел до нас сквозь многовековую толщу человеческой истории. Двойственность — характерная черта всех эксплуататорских классов. Ни один из них не мог осуществлять свои узкоэгоистические замыслы без той или иной апелляции к массам, без широко известной политики кнута и пряника. Более того, в прошлом были такие исторические отрезки времени, когда устремления господствующего класса (например, стремление феодалов к ликвидации рабовладения) объективно совпадали с интересами всего народа. Шли годы, феодальный класс продолжал вывешивать на фасаде своего замка антирабовладельческие знамена, хотя на его заднем дворе уже вовсю ковались новые цепи крепостной кабалы. Однако никогда в прошлом два политических лица одного эксплуататорского класса не проступали так четко и рельефно, как у национальной буржуазии экономически слаборазвитых стран в нашу бурную эпоху борьбы двух мировых систем.

Национальная буржуазия, с одной стороны, продолжает испытывать на себе гнет империалистических монополий, а с другой, сама является безжалостным эксплуататором трудящихся. Стремясь обеспечить политическую и экономическую независимость своей страны, буржуазия обращается за поддержкой к широким народным массам. Но как только народ начинает проявлять свое самостоятельное революционное творчество, она пускает в ход дубинку, не стесняясь прибегать при этом к покровительству империалистических держав, и особенно главного мирового жандарма — США.

Прогрессивная роль национальной буржуазии на современном этапе заключается в том, что она проводит самостоятельную политику в международных делах. Если попытаться проанализировать внешнеполитический курс таких несоциалистических государств, как Индия, Индонезия, Бирма, Цейлон, Камбоджа, ОАР, Ирак, Сирия и другие, можно выделить некоторые общие черты. Это, во-первых, использование внешней политики для защиты национальных интересов и, во-вторых, активный антиколониализм, выражающийся в поддержке борьбы

угнетенных народов за свою независимость. Важной чертой внешней политики несоциалистических государств Азии и Африки является более или менее последовательная борьба за мир.

Двойственность национальной буржуазии сказывается и во внешнеполитических делах. Колеблющаяся позиция некоторых несоциалистических стран Азии и Африки по таким важным вопросам современности, как всеобщее и полное разоружение, запрещение ядерного оружия, ликвидация колониализма и т. д., дает известную возможность западным державам оттягивать решение этих насущных международных проблем. Не вызывает сомнения, например, что занятие большинством стран Азии и Африки последовательной и решительной позиции по конголезскому вопросу могло бы значительно содействовать нормализации положения в этом суверенном африканском государстве.

Глубокие противоречия в политике буржуазных правящих кругов политически освободившихся стран носят объективный характер. Как отмечается в новой Программе КПСС, «в современных условиях национальная буржуазия в колониальных, бывших колониальных и зависимых странах, не связанная с империалистическими кругами, объективно заинтересована в осуществлении основных задач антиимпериалистической и антифеодальной революции. Следовательно, еще не исчерпаны ее прогрессивная роль, ее способность участвовать в решении насущных общенациональных задач.

Однако по мере нарастания противоречий между трудящимися и имущими классами и обострения классовой борьбы внутри страны национальная буржуазия проявляет все большую склонность к соглашательству с империализмом и внутренней реакцией».

Выдавая свои узкоклассовые цели за общенациональные, усиленно затушевывая классовые противоречия между трудом и капиталом, демагогически используя лозунги построения общества «социалистического образца», национальная буржуазия всеми силами стремится единолично воспользоваться плодами национально-освободительной борьбы. Однако прогрессивные силы считают, что завоевание национальной независимости должно существовать и облегчить участь широких масс трудящихся: повысить жизненный уровень, улучшить условия труда рабочего класса, дать землю крестьянству, обеспечить демократические права народа. Вокруг этих вопросов в бывших колониях все сильнее разгорается острая классовая борьба. «Освободившиеся от колониального гнета страны», — отметил Н. С. Хрущев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXII съезду партии, — вступили в новый период своего развития. Борьба за политическую независимость объединяла все национальные силы, страдавшие от колонизаторов и движимые общими интересами. Теперь же,

ДВА ЛИЦА ОДНОГО КЛАССА

*Национальная буржуазия после
завоевания независимости*

Вл. ЛИ

когда в порядок дня встают задачи выкорчевывания корней империализма, проведения аграрных и других назревших социальных реформ, все более отчетливо начинают выявляться различия классовых интересов».

БУРЖУАЗИЯ У ВЛАСТИ

Политико-экономическое положение слаборазвитых стран характеризуется весьма разнообразными формами зависимости от мирового капиталистического хозяйства. В ряде государств Азии и Северной Африки костяк национальной буржуазии сформировался еще в колониальный период. В то же время в тропической части Африки формирование местной буржуазии практически только началось, так как политика империалистических монополий тормозила процесс накопления капитала в колониях. В одних освободившихся странах к власти пришла патристически настроенная часть буржуазии, в других у власти оказались проимпериалистические и реакционные группировки. Таким образом, в разных странах и на различных этапах исторического развития двойственность национальной буржуазии приобретает своеобразную, специфическую форму проявления. Это требует творческого и дифференцированного подхода прогрессивных сил к разработке революционной тактики в отношении буржуазии своей страны.

Однако, несмотря на все эти различия, политические и социально-экономические процессы, вызываемые борьбой двух мировых систем, оказывают в конечном итоге решающее воздействие на все слаборазвитые страны, обуславливают определенные закономерности в формировании и политике буржуазии. Для подавляющего большинства слаборазвитых стран типично деление буржуазии на две группы. Первая связана с реакционными силами, феодальными и компрадорскими элементами, с иностранным монополистическим капиталом и, как правило, является злейшим врагом освободительного движения. Вторая, связанная в основном с внутренним рынком и внутренними монополиями и пытается на себе гнет чужеземных монополий и находится в глубоком и остром антагонизме с империализмом. Хозяйничанье империалистических монополий существенно ограничивает предпринимательскую деятельность национальной буржуазии, стремящейся к самостоятельному производству и рынка.

В тех слаборазвитых странах, где у власти стоят патристические круги буржуазии, принимаются меры по сокращению вывоза прибылей иностранными монополиями. Важность этих мер можно оценить, если учесть, что прибыли иностранных монополий достигают 20 миллиардов долларов в год. На эти средства можно построить 40 металлургических заводов, подобных Бхилайскому, или 20 грандиозных гидротехнических сооружений, подобных высотной Асуанской плотине на реке Нил. Яркий пример грабежа слаборазвитых стран иностранным монополистическим капиталом дает Конго. Годовой доход конголезских рабочих составляет только 2100 конголезских франков (42 доллара). Он в 63 раза меньше среднегодового дохода проживающих здесь европейцев. Могущественные совладельцы международного концерна «Юнион миньер» распределяют ежегодно дивиденды, равные примерно одной трети общей суммы всех годовых доходов 1200 тысяч африканских рабочих.

Национальные правительства освободившихся стран стремятся создать отечественное производство средств производства, стабильную кредитно-финансовую систему, развитые средства связи и транспорта, ликвидировать острую нехватку кадров. Огромную помощь в решении этих насущных задач национального возрождения народов бывших колоний оказывает мировая система социализма.

Во многих молодых государствах Азии и Африки национальные правительства проводят курс на всемерное развитие государственного сектора экономики. Это заметно повышает общий экономический потенциал молодых государств, ускоряет процесс их индустриализации, открывает новые перспективы борьбы за экономическую самостоятельность.

Первоначальную основу государственного сектора в Индии, Бирме, Индонезии, Цейлоне, Камбодже, ОАР, Гане, Гвинее и в ряде других стран Азии и Африки составила, как известно, собственность, унаследованная от колониальной администрации. Она включала железные дороги, водный транспорт, почтово-телеграфные учреждения, предприятия по заготовке и переработке тропических сортов древесины, кредитно-финансовые учреждения, отдельные рудники, плантации и т. д. Совершенно очевидно, что собственность, доставшаяся молодым странам Азии и Африки от колониальных времен, не могла служить прочной индустриальной основой для наступления на иностранный монополистический капитал и завоевания экономической самостоятельности. Нужно было заново создавать современные отрасли промышленности, развитие которых умышленно задерживалось колонизаторами. Нужны были новые крупные капиталовложения в народное хозяйство. Частный капитал, основным законом которого является погоня за прибылью, не хотел, а во многих случаях вследствие своей слабости и не мог выполнить этой задачи. Поэтому возвести фундамент экономической независимости выпало на долю государственному сектору экономики.

Являясь особой формой капиталистических отношений, государственный сектор предполагает активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны для достижения ею экономической самостоятельности. Активное участие государства в экономическом строительстве призвано содействовать созданию новых отраслей промышленности. Разумеется, появление госкапиталистических предприятий не говорит о вступлении слаборазвитых стран на путь социалистического развития, поскольку не отменяется частная собственность на орудия и средства производства.

Вместе с тем государственный капитализм в слаборазвитых странах существенно отличается от государственно-монополистического капитализма стран Запада. В освободившихся странах госкапитализм возник не на базе монополистической стадии концентрации и централизации капитала, а при низком уровне развития производства. Не все госкапиталистические мероприятия (например, налоговые льготы крупным капиталистам) отвечают общенациональным интересам, однако в целом они, несомненно, носят прогрессивный, антиимпериалистический характер. Государственный сектор — важный рычаг упрочения национальной независимости освободившихся стран.

Национальная буржуазия экономически слаборазвитых стран допускает, как правило, деятельность госсектора только в тех областях хозяйства страны, которые требуют крупных и долгосрочных капиталовложений, — в металлургии, энергетике, транспор-

те и т. д. Национальный капитал не в состоянии на данном этапе взять на себя развитие этих отраслей промышленности. Становление госсектора не задевает интересов частнокапиталистического предпринимательства. Кстати, на это не раз прямо указывали государственные и политические деятели буржуазных стран Азии и Африки. «Государство,— заявил в одном из своих выступлений Дж. Неру,— берет на себя только такие строительства, которые не под силу частной инициативе». А вот как определил экономическую политику своего правительства президент ОАР Насер: «Надо, чтобы государство было во главе экономики. Когда мы вмешиваемся, это не означает, что мы хотим разрушить или ослабить капитализм, это означает лишь то, что мы считаем своим долгом наблюдать за ним...»

В интересах развития национального капитала в ряде слаборазвитых стран некоторые важные отрасли народного хозяйства в законодательном порядке закрыты для иностранного капитала и объявлены сферой деятельности государства и местных предпринимателей. Оказавшись у руля суверенного государства, национальная буржуазия пытается поставить западные монополии в худшие, чем прежде, условия. Так, в Индии в 1957/58 году филиалы иностранных компаний выплатили государству в виде налогов 61,5 процента своих доходов, а национальные — только 54 процента. В Индонезии иностранным компаниям позволено вывозить не более 50 процентов прибыли. Правительство республики приняло закон, по которому 75 процентов иностранной валюты для внешнеторговых операций получают национальные компании и только 25 процентов — иностранные. Неуклонно растет требование нефтедобывающих стран распределять прибыли не только от добычи сырой нефти, но и от ее промышленной переработки и реализации. «Если это не будет сделано сейчас,— заявил арабский экономист Абдулла Тарики,— то в конечном счете произойдет взрыв и последует национализация».

Непоследовательность национальной буржуазии сказывается и на ее отношении к иностранному капиталу, хотя здесь ее классовые интересы наиболее резко сталкиваются с империалистической политикой. Классовая логика, и в первую очередь стремление опереться на внешние силы в борьбе с народным движением, вынуждает национальную буржуазию рассматривать империализм не как непримиримого противника, а как партнера по капиталистическому обогащению. В последние годы во многих слаборазвитых странах усиленно насаждаются новые формы делового сотрудничества национального и иностранного капитала — смешанные компании, хотя внутри них идет острая конкурентная борьба между местными и иностранными предпринимателями.

Особенно ярко антинациональные тенденции правящих кругов проявляются в тех странах, где у власти оказалась проимпериалистически настроенная верхушка крупной буржуазии и реакционных помещиков. Так, правительство Пакистана приняло закон, который дает возможность иностранцам иметь не 49 процентов, а 60 процентов акций любой компании и в неограниченном количестве вывозить прибыли из страны. Кроме того, в законе о втором пятилетнем плане Пакистана (1961—1965 годы) специально оговорено, что госсектор не закрепляет за собой каких-либо отраслей промышленности. Частный капитал может перехватить любое строительство, намеченное первоначально пра-

вительством по линии государственного сектора. В стране стало обычным продавать на весьма льготных условиях частному капиталу важные предприятия, построенные государственным сектором. Около 30 предприятий госсектора в последние годы были превращены в частнокапиталистические.

Классовая непоследовательность и ограниченность национальной буржуазии ярко видна и в ее отношении к аграрному вопросу. После завоевания независимости почти все несоциалистические страны Азии и Африки приняли аграрные законы, которые свелись лишь к ограничению, но не уничтожению феодализма и помещичьего землевладения.

В Ираке по закону о проведении аграрной реформы, принятому в 1958 году, намечалось экспроприировать все земельные владения, превышающие тысячу дунамов орошаемых и две тысячи неорошаемых земель (дунам равен 0,25 гектара). Однако к началу 1961 года было изъято лишь около 3,7 миллиона дунамов из 8,2 миллиона дунамов, намеченных законом. Как отметил в этой связи лидер Национально-демократической партии Ирака Камиль Чадарчи, «из всех разработанных новым режимом проектов этот окончился самым тяжелым провалом. В результате — снижение уровня развития сельскохозяйственного производства, бегство крестьян из деревни в город, разочарование и отчаяние в их сердцах...»

Аграрные реформы несколько увеличили крестьянское землевладение, усилили классовую дифференциацию в деревне, ускорили формирование сельскохозяйственного пролетариата и сельской буржуазии. Однако интересы беднейшего крестьянства и формирующегося класса сельских капиталистов настоятельно требуют уничтожения помещичьего землевладения. Особенно остро аграрный вопрос стоит там, где правит реакционная верхушка крупной буржуазии и помещиков. Например, аграрное законодательство в Пакистане ограничивает в западных областях максимальные размеры земельного надела одной семьей: 500 акрами орошаемой или 1000 акров неорошаемой земли. К середине 1960 года, когда отчуждение «лишних» земель у крупных собственников было в основном завершено, выяснилось, что аграрная реформа в Западном Пакистане охватила лишь 2,3 миллиона акров, или немногим более одной десятой помещичьей земли. В Восточном Пакистане, где «потолок» земельной собственности установлен в 33 акра, было изъято 300 тысяч акров, из которых обрабатывается только половина.

Чем же объяснить, что аграрные реформы, проводимые под руководством национальной буржуазии, носят столь противоречивый, непоследовательный характер? Прежде всего двойственным положением национальной буржуазии, которой для упрочения своего экономического и политического господства нужно ликвидировать наиболее стеснительные для нее феодальные институты и привлечь на свою сторону широкие крестьянские массы. В условиях слаборазвитых стран, где сфера промышленного предпринимательства ограничена, местный капитал осуществляет спекулятивные операции по покупке и продаже земли, являясь нередко сам крупным земельным собственником, связанным тысячами нитей с феодально-помещичьими отношениями. Национальная буржуазия, особенно ее промышленное ядро, заинтересована в росте капиталистического торгового земледелия, которое расширяет емкость внутреннего рынка. Но будучи по своей социальной природе эксплуататорским классом,

буржуазия не может искренне поддерживать революционный, общекрестьянский лозунг «Земля тем, кто ее обрабатывает!». В посягательстве крестьянства на феодальную собственность буржуазия усматривает покушение на частную собственность вообще. Буржуазные круги освободившихся стран тщательно разграничивают антиимпериалистические и антифеодальные задачи освободительной революции, решительно отвергают радикально-демократический путь разрешения аграрного вопроса, предпочитая идти на классовый компромисс с помещиками. Огромные выкупные платежи тяжелым бременем ложатся на плечи крестьян, существенно сужают емкость внутреннего рынка, тормозят промышленное развитие страны.

Двойственность и непоследовательность национальной буржуазии ярко проявляется также в ее отношении к демократии. По мере обострения классовой борьбы внутри страны буржуазия нередко скатывается на путь антикоммунизма и установления реакционной диктатуры. Весьма характерно, что когда в государственном аппарате преобладают компрадоры и помещики, а большая часть национальной буржуазии фактически отстранена от власти, она громко требует демократических свобод, стремясь таким образом заручиться поддержкой народного движения для легального захвата власти. Отношение национальной буржуазии к буржуазной демократии существенно меняется, как только она приходит к власти. Особенно жестокие репрессии обрушиваются на политические партии и организации рабочего класса, не желающие призна-

вать политического руководства буржуазии. Однако жизнь показала полную несостоятельность и пагубность политики антикоммунизма, которая приводит к отрыву авангарда национально-освободительного движения от широких народных масс, к расколу антиимпериалистического единства борющихся народов. Говоря вещными словами Программы КПСС, «попытки реакционных кругов под флагом антикоммунизма взорвать национальный фронт, преследования коммунистов ведут к ослаблению национально-освободительного движения, противоречат национальным интересам народов, создают угрозу утраты достигнутых завоеваний».

Ведь не случайно наиболее мощными и наиболее успешными оказываются в наши дни такие национально-освободительные движения (например, в Индонезии, Индии, Цейлоне, Мали и т. д.), которые меньше заражены тлетворной идеологией антикоммунизма. И напротив, страны, где ведется беснующая травля коммунистов и демократических элементов (Таиланд, Филиппины, Малайя, Пакистан, Турция, Иран и т. д.), послушно плетутся в фарватере агрессивной политики империализма, лишены возможности быстрыми темпами искоренять остатки колониализма, возрождать национальную экономику и культуру.

Эти страны вовлечены в губительную гонку вооружений, которая пожирает огромные средства, намного превышающие размеры пресловутой долларовой «помощи». В последнее время структура этой «помощи» претерпела кое-какую модификацию, но сущность «помощи» в целом остается неизменной, и это с циничной откровенностью признает специальная брошюра госдепартамента США. «Помощь нашим союзникам,— говорится в ней,— имеет и еще одно преимущество, связанное с тем, что содержание иностранного солдата стоит гораздо дешевле содержания американского солдата. Так, например, в 1960 году обеспечение одного американского солдата денежным довольствием, питанием, помещением и обмундированием обошлось Соединенным Штатам в 3950 долларов. (В случае переброски солдата на какую-либо американскую базу за границу расходы эти еще возрастают.) Вместе с тем содержание китайского (то есть чанкайшистского.— В. Л.) солдата обходится всего в 163 доллара, южнокорейского — в 233 доллара, тайландского — в 400 долларов, южновьетнамского — в 932 доллара, турецкого — в 389 долларов, греческого — в 376 долларов». Иными словами, внося на оборону 10 тысяч долларов, США могли бы держать под ружьем 2,5 американца или 61 гоминдавца, 43 южнокорейца, 25 тайландцев, 11 южновьетнамцев, 26 турок или 27 греков. Циничные подсчеты госдепартамента — неплохая иллюстрация истинной цены американских «благдеяний» слаборазвитым странам.

Рыцари антикоммунизма обычно усиленно прикрывают свою деятельность фальшивым флагом защиты «свободы». Старательно выдавая себя за приверженцев «демократии», буржуазные идеологи всячески расписывают коммунистов как деятелей, всячески расписывают коммунистов как деятелей, которым якобы чужды национальные интересы. Однако эта клевета не выдерживает никакой критики. Пролетарский интернационализм коммунистов органически сочетается с их пламенным патриотизмом. Никогда не было и не может быть никаких противоречий между интернациональными и национальными интересами трудящихся.

ТОЛЬКО ФАКТЫ

● Годовой доход на душу населения в странах Запада составляет в среднем 1400 долларов, а в слаборазвитых странах — всего 120, то есть в 11,6 раза меньше.

● Согласно статистическим данным ООН, в странах капитализма ныне голодает 59 процентов населения, в основном жители слаборазвитых стран. Иными словами, там постоянно страдает от голода каждый третий человек.

● Гонка вооружений наносит непоправимый ущерб народному хозяйству экономически слаборазвитых стран. Численность армий этих стран превышает пять миллионов человек, и на военные расходы идет ежегодно пять-шесть миллиардов долларов.

● Империалистические монополии нещадно грабят народы слаборазвитых стран. Например, американский нефтяной концерн АРАМКО только в Саудовской Аравии захватил концессию площадью в 1140 тысяч квадратных километров, что соответствует территории Англии, Франции, Италии и Швейцарии, вместе взятых.

(Окончание следует)